

ЛЬВЫ СТОРОЖЕВЫЕ. ВОРОНЦОВ

*С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые...*

А. С. Пушкин

I. РОМАНТИКА

Тогда была романтика в чести –
вживлялась, как заморская лоза.
Но ежели стихи, томясь, плести –
не попадайся графу на глаза.
Он крепкий был хозяин, этот граф,
всего вокруг – но не своей жены.
Мальчишку на посылках придержав,
не ждал, что дамы будут сражены.

Несётся взгляд по склону Могаби.
Шмели толпятся в розовом кусте.
Не торопясь по строчкам пробеги,
набросанным в дорожной суете.
О жалобах дорожных – ни гугу,
за кадром – штормовая кутерьма.
На ялосе, на южном берегу
наступит молчаливая зима.

II. ИГНАТЕНКО. ЯЛТА

Спросил у меня хлопец имя улицы,
по которой мы шли навстречу друг другу.

«Игнатэнко», – ответила я на украинский лад,
с «е» обратным.

Есть у меня в родне Дудченко, Скороходы,
но никогда я не знала украинской мовы.

Почему я подумала «хлопец»?
Не сгодилося ни «юноша», ни «парень».

Была эта улица первой, получившей имя.
И это не было имя Игнатенко.

Ехал император в приход Иоанна Златоуста.
Спросил имя улицы, по которой ехал.

«Елисаветинская» – раздался услужливый голос.
«Кто таков?» – Из людей графа Воронцова.

Имя этого подхалима история не сохранила.
И за улицей не сохранила имя супруги графа.

В бессмертных стихах влюблённого поэта
Имя героини спрятано ненадёжно.

Что же с хлопчиком, что с Игнатенко?
Всё как в песне: «Вы жертвою пали...»

III. ПОЛОНЕЗ

В каминах тлеют угли. Вечор борей гостил.
И на заре, незванный, розарий навестил,
пробрался в виноградник, средь пиний позаглох
и нехотя погладил на скалах рыжий мох.
Но в золочёных залах условных тьма красот,
и европейский почерк покуда верх берёт.
Зелёным веронезом подцвечены холсты.
Полночным полонезом рулишь умело ты
с императрицей в паре, владетель этих мест.
Ты знатен. Ты в ударе. Тебе не надоест.
А львы сторожевые, уставясь в никуда,
лениво проскучают грядущие года –
и нежная графиня, с которой сорок лет
ты прожил, не влюблённый, поскольку не поэт.

VI. ОСЕНЬ ВОРОНЦОВА

Не видели его в егерском сюртуке
с начала Крымской кампании...
Он, строен и высок,
не проигрывал в сравнении
с российским самодержцем,
привычно открывал балы –
при золотых эполетах,
в паре с блестящей императрицей.

Пал черноморский форт
Святого Николая.

Всё чаще
заставали князя,
лежащим на диване –
с погасшим лицом,
в надетой на исподнее
военной шинели.

Кому привелось увидеть
его нервные припадки,
говорили, что лишь случайно
не опередил он
своего уходящего императора.

Достоинo принял Воронцов
генерал-фельдмаршальство
от нового монарха, но был
преосвященный Иннокентий
главным собеседником
его последней осени.

Одесса. Ноябрь.
На коленях стоит княгиня
у постели супруга,
держа в ладонях кольцо,
снятое с мёртвой руки.

V. ПОСЛЕДНЯЯ МИЛЯ

Напоследок морская отмерена миля.
В показной красоте –
Воронцовский дворец мавританского стиля
на рекламном щите.
Всё стремительней клонится солнце к закату.
Тьма уже на носу.
Не надейся, Харон, что обильную плату
я тебе поднесу.